

Меликова И. Э.

ПОНЯТИЯ "СИСТЕМА ЯЗЫКА" И "СТРУКТУРА ЯЗЫКА" В ТЕОРИИ ПСИХОСИСТЕМАТИКИ Г. ГИЙОМА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/32.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 83-85. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

К усилительным обстоятельствам относят и дополнение for oneself, например:

With my father's illness, Valentina has taken the opportunity presented by the possibility of his death and my subsequent succession to encourage unrest in hopes of seizing power for herself" (Victoria Alexander. *The Prince's Bride* 2001).

Возвратно-усилительные местоимения в разговорном стиле часто встречаются в качестве одного из однородных подлежащих. Из-за отсутствия личного местоимения, с которым усилительное местоимение должно быть соотнесено, в большинстве примеров, оно употребляется с ослабленным лексическим значением.

After the meeting this afternoon, Lady Youngstreet, Applegate, and myself are going to visit a friend who has a most amazing collection of fossil teeth (Amanda Quick. *Ravished* 1992).

Английская разговорная диалогическая речь характеризуется большим количеством возвратно-усилительных местоимений в неполных предложениях в роли ответных реплик.

"Advantageous?" Suspicion sounded in his voice. "For whom?"

"Myself, of course, and ..." (Victoria Alexander. *The Prince's Bride* 2001).

Широко используются возвратно-усилительных местоимений и в сравнительных оборотах в роли опорного слова и после союзов but, save, except в значении исключения.

Such possession can happen by accident if a sorcerer summons a spirit stronger than himself (Christopher Paolini. *Eragon* 2004).

The pool was made up entirely of widows and spinsters, women who were in much the same position as themselves (Amanda Quick. *Mistress* 1994).

Or a wielder of magic, like himself (T. Brooks *Armageddon's Children* 2006).

Nobody is stopping us except ourselves, Ben (John Le Carre. *The Tailor of Panama* 1996).

Таким образом, на современном этапе развития английского языка можно увидеть, что возвратно-усилительные местоимения выполняют двоякую функцию в речи. С одной стороны, они продолжают выполнять функции, которые были присущи им изначально, с другой стороны, они часто принимают функции не типичные для возвратно-усилительных местоимений, иногда нарушая нормы грамматики. Интенсивное использование возвратно-усилительных местоимений на современном этапе развития английского языка можно объяснить тем, что подобное функционирование местоимений позволяет сделать речь более выразительной и убедительной, тем самым, помогая четко расставить важные смысловые акценты в предложении и избежать употребления искусственных форм, не свойственных живой разговорной речи.

Список использованной литературы

1. Биренбаум Я. Г. Английские возвратные и усилительные местоимения // Иностраный язык в школе. – 1983. - № 5. - С. 14-17.
2. Вейхман Г. Н. Новое в грамматике современного английского языка. - М.: Астрель: АСТ, 2006. - 542 с.
3. Жигadlo В. Н., Иванова И. П., Иофик Л. Л. Современный английский язык. - М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. - 350 с.
4. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. - М.: Высшая школа, 1981. – 285 с.

ПОНЯТИЯ «СИСТЕМА ЯЗЫКА» И «СТРУКТУРА ЯЗЫКА» В ТЕОРИИ ПСИХОСИСТЕМАТИКИ Г. ГИЙОМА

Меликова И. Э.

Астраханский государственный университет

В современной лингвистике принято рассматривать язык как систему, в которой составляющие ее элементы находятся в иерархических отношениях, а речь - как текст (письменный и устный) в котором языковые элементы получают свою реализацию. Система предстает многоярусным сооружением, ярусы которого находятся в определенных отношениях. Картина системы представляется статичной имеющей структуру [Скрелина 1990: 5]. Структура как теория и метод языковых явлений была введена Соссюром и стала в основе концепции структурализма. Для Г. Гийома из школ парижского и французского структурализма ближе всего становится школа Соссюра. Однако структурализм Гийома сильно отличается от учения последователей Соссюра и становится близок постструктуралистской концепции языка. Основное отличие теории Гийома заключается в строгом разделении системы и структуры, а также рассмотрении языка как некоего образования имеющего как системную, так и структурную составляющую, а определение данных составляющих с точки зрения психосистематики.

Такое четкое разделение стало возможным благодаря введению категорий из психологии. Психосистематика как метод изучения языковых единиц основывается на теории Соссюра, однако именно этот метод доказывает системность языка не только благодаря анализу фактов подверженных непосредственному наблюдению, а путем введения «психических механизмов», которые рассматривают невидимую мыслительную реальность, объясняющая систему языка [Реферовская 2008: 45].

Согласно теории Соссюра язык оказался замкнутым в структуре, а Гийом вывел язык на уровень семиотических кодов психологии и лингвистики. Несмотря на видимую разницу между знаками психологии и

лингвистики, Гийом выводит их к миру «психических сущностей» и тем самым выделяет мыслительные операции, определяющие систему языка. Данная системность не является абсолютной. Система является понятием абстрактным, покоящимся на отношениях увиденных за чувственным восприятием и понятых исследователем. Гийом считает, что непосредственно наблюдаемые факты не раскрывают их систему, не показывают отношения, существующие между ними, и требуют дальнейшего особого их осмысления. По мнению Гийома лингвистика только тогда становится теоретической наукой, когда соглашается видеть в реальности больше чем доступно непосредственно чувственному восприятию. И хотя утверждение о том, что реальность может быть постигнута в результате познавательной работы мысли, вызывает возражение, Гийом уверен в том, что изучать нужно абстрактно понимаемую реальность. Исходя из данного утверждения, система языка для Гийома представляет собой систему подсистем. Система языка охватывает всю протяженность мыслимого, а все подсистемы относятся только к одной конкретной части мыслимого. И несмотря на то что все подсистемы стремятся к индивидуализации, они при этом сохраняют постоянные связи между собой. При этом ученый отмечает, что не все в языке системно, например разнородность существительных не образует системы, но общая система имени включает все имена, оставляя разнообразию имен свободу существования [Реферовская 2008: 48].

Психосистематика доказывает, что язык является системой, показывает скрытый порядок лежащий в основе кажущегося беспорядка в совокупности речевых единиц, их видимой противоречивости. При этом система не является чем-то раз и навсегда данным и неизменным. Несмотря на то, что существует порядок в бесчисленном количестве объектов являющихся языковыми единицами, вхождение языковых единиц в какое-либо определение не является закрепленным и может изменить свой системный статус. Система языка может меняться в результате передвижки языковой единицы из одной категории в другую, в силу изменений в представлениях говорящего, а также в функциональных сдвигах в речи.

Основываясь на положении психосистематики о том, что ведущую системообразующую роль все таки играет именно психологические процессы, происходящие в сознании говорящего, можно предположить, что именно говорящий интуитивно определяет статус данной языковой единицы в момент речи. Именно речь становится «местом встречи» языковой формы и вкладываемого в него значения. Отсюда большую важность приобретает контекст, так как порой значение языковой единицы можно определить только после ее превращения в речевую единицу. Этим доказывается влияние речи на язык.

Таким образом, важную роль для системы языка имеет не форма, а именно значение. Отсюда возникает противоречие в определении структуры с точки зрения психосистематики и с точки зрения традиционной лингвистики основанной на принципах введенных Соссюром.

Согласно частнолингвистической структуре языкознания, теория психосистематики относится к функционально-ономасиологической лингвистике.

Ономасиологическая лингвистика рассматривает речевую деятельность в направлении «внеязыковое содержание - языковая форма/ языковая система - речь» перевода языковую форму из системы языкового содержания в речевое содержание. Это значит, что ономасиологический подход к изучению языковых явлений предполагает позицию говорящего, который исходит из внеязыкового содержания и переводит это содержание в языковую форму, выбирая ее из языковой системы и переводя в речь. Тем самым доказывается, что именно значение, а не форма имеют важность при выборе языковой единицы для реализации того или иного речевого намерения. Формальная структура языка имеет меньшее количество возможностей для «фантазии», тогда как понятийная система языка удовлетворяет всем потребностям говорящего. Поэтому различные значения порой имеют одинаковую формальную оболочку. Для функционально-ономасиологической лингвистики характерно рассмотрение функциональности языка с точки зрения говорящего, так как именно говорящий определяет насколько та или иная единица отвечает его нуждам говорения, а также именно говорящий определяет функцию языковой единицы в речи.

Что касается структуры, то следует отметить, что структурная история языка, предстает историческим следованием его структурных состояний. Изучение структурных состояний языка сообщает лингвистике особую важность, среди других наук, так как она опирается на преднауку ясновидения, которой является язык [Гийом 1992: 152]. Вся эволюция человеческого понимания предстает в истории языковых структур.

Именно языковые структуры дают представление о возможностях человеческого мышления в определенный момент человеческой истории.

Структуры языка делятся на семасиологические (формальные) и ономасиологические (содержательные).

Семасиологические структуры являются результатом обобщения представлений о речи.

Ономасиологические структуры являются результатом перехода семасиологических структур, когда та или иная содержательная категория начинает соотноситься с несколькими формальными структурами языка. Это очевидно при рассмотрении категории предмета в соотношении не только с существительными, но и со всеми субстантивированными частями речи, в этом случае речь идет о субстантивированном содержании структуры языка. Данные структура становятся решением проблемы «много значений - форма одна».

Отсюда следует что, понятийное содержание слова, выражающее идею, сопровождается формальной структурой. При этом структурные элементы не зависят от понятийного содержания слова. Они лишь характеризуют слово в системе языка, имеющее определенные формальные черты [Гийом 1992: 140].

Исходя из представленного анализа представлений Гийома о системе и структуре языка, очевидно, что никакого знака равенства между данными понятиями существовать не может. Структура это форма, которая

нуждается в заполнении содержанием, которое и является системой. Таким образом, это две взаимозависимые и взаимодополняющие стороны одного сложного феномена «язык».

Список использованной литературы

1. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. - М., 1992. - 217 с.
2. Реферовская Е. А. Философия лингвистики Г. Гийома: Курс лекций по языкознанию. - М., 2007. - 128 с.
3. Скрелина Л. М., Костюшкина Г. М. Систематика предложения во французском языке. - Красноярск, 1990. - 154 с.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «КОНЦЕПТ» И «ПРЕДЕЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРЫ»

Нечаева Е. Ф.

Московский институт экономики, менеджмента и права

В сегодняшних лингвистических исследованиях особое внимание уделяется сопоставительному анализу концептов различных лингвокультур.

Абстрактные концепты представляют в этом ключе большой интерес, поскольку их сопоставление в различных лингвокультурах позволяет выявить особенности языкового сознания и, соответственно, характера представителей той или иной лингвокультуры.

В лингвистике на современном этапе ее развития, концепт не имеет однозначного толкования. Дискуссионными остаются и методологические основы исследования концептов. Лингвисты сходятся во мнении, что концепт многомерен, в нем выделяются такие компоненты как рациональный и эмоциональный, конкретный и универсальный, этнический, общенациональный и индивидуально-личностный. Образно концепт можно представить в виде круга, в центре которого лежит основное понятие, *ядро концепта*, а на *периферии* находится все то, что привнесено традициями, культурными особенностями, национальным и личным опытом [Маслова 2004]. Говоря о структуре концепта, И. А. Стернин отмечает, что необходимо разграничивать в теории и описании концептов понятия *содержания концептов* и *структуру концепта* [Стернин 2006: 228]. *Содержание концепта* образовано когнитивными признаками, отражающими отдельные признаки концептуализируемого предмета или явления, и описываются как совокупность этих признаков. Содержание концепта внутренне упорядочено по полювому принципу - ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия. Принадлежность к той или иной зоне содержания определяется, прежде всего, яркостью признака в сознании носителя языка. Описание осуществляется как перечисление признаков от ядра к периферии по мере уменьшения яркости признака.

Структура концепта включает образующие концепт «базовые структурные компоненты разной когнитивной природы - чувственный образ, информационное содержание, интерпретационное поле и описывается как перечисление когнитивных признаков, принадлежащих каждому из этих структурных компонентов концепта» [Стернин 2006: 228]. Исходя из понимания структуры и содержания концептов, из признания «многослойности» структуры концепта исследователи используют различные методы для их исследования. В. А. Маслова отмечает, что на сегодняшний день существуют различные теории и методы концептуального анализа: теория профилирования (Е. Бартминский); теория вертикальных синтаксических полей (С. М. Прохорова); теория концептуального анализа для выявления глубинных характеристик имени - гештальтов (В. А. Долинский); теория вертикального контекста (О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет); фреймовая семантика (Ch. Fillmore); теория метафоры и метонимии (G. Lakoff); теория когнитивных прототипов (E. Rosch, G. Lakoff) [Маслова 2004: 45].

В. А. Маслова предлагает следующую методику концептуального анализа, на основании которой, были проведены исследования некоторых многомерных концептов, например, сопоставительный анализ концепта «желание» в русском и немецком языках [Мастерских 2004]. Методика предполагает следующий порядок ведения исследования:

1. Определение референтной ситуации, к которой принадлежит данный концепт, а при наличии художественного текста эта операция производится на его основе.
2. Установление места данного концепта в языковой картине мира в языковом сознании нации через обращение к энциклопедическим и лингвистическим словарям, при этом словарную дефиницию можно считать ядром концепта.
3. Обращение к этимологии и учет ее особенностей.
4. Привлечение художественных контекстов и данные паремиологического фонда языков (поговорки и пословицы).
5. Сопоставление полученных результатов с анализом ассоциативных связей ключевой лексемы (ядра концепта), сравнение с другими концептами [Маслова 2004: 45-46].

Мы видим, что ставший уже традиционным для лингвистических исследований метод концептуального анализа, предложенный В. А. Масловой, основан на семантическом подходе и апеллирует к *значению* слова. Имея дело со сложными абстрактными концептами, мы неизбежно подходим к той мысли, что анализиро-